

Цзян Лэян оказался искусным поваром, и все за столом с аппетитом уплетали приготовленные им блюда. Цинь Шуаншуан сосредоточилась на сыне, постоянно спрашивая, улучшились ли его оценки. Цзян Сяочуань, нахмурив брови, изобразил, что ему совсем не хочется есть:

— Аппетита нет.

Цинь Шуаншуан пришлось замолчать, и она перевела взгляд на Цинь Гэ.

— В нашем центре есть преподаватель, который хочет получить твой номер телефона. Дашь?

Цинь Гэ еще не успел ответить, как Цзян Сяочуань тут же напрягся:

— Нельзя! Мама, не вздумай знакомить брата с кем-то.

Цзян Лэян и Цинь Шуаншуан быстро переглянулись.

Цзян Сяочуань с важным видом заявил:

— У брата высокие требования, вы этого не понимаете.

— Ты понимаешь? — холодно усмехнулась Цинь Шуаншуан. — Цзян Сяочуань, ты опять показал фотографию брата какому-то преподавателю?

Выражение лица Цзян Сяочуаня мгновенно застыло, он бросил умоляющий взгляд на Цзян Лэяна.

— Говори правду, — Цзян Лэян тоже не стал его выручать. — По какому предмету ты плохо сдал пробный экзамен?

Цзян Сяочуань понуро опустил голову:

— Физика...

Цинь Гэ с тревогой посмотрел на Цзян Сяочуаня, а затем на палочки для еды в руках Цинь Шуаншуан.

— Наш учитель физики очень красивый! — продолжал упрячиться Цзян Сяочуань. — Брату точно понравится.

— Цзян Сяочуань, я предупреждаю тебя в последний раз, — пристально посмотрела на него Цинь Шуаншуан. — Если ты еще раз воспользуешься братом, чтобы сблизиться с преподавателем, ты будешь жить в общежитии. И не возвращайся на выходные, у отца нет времени готовить для тебя!

Цзян Сяочуань больше не осмелился возражать и, опустив голову, принялся яростно есть.

Редкая возможность насладиться домашней едой принесла Цинь Гэ удовлетворение. Цзян Лэян приготовил больше, чем обычно, и предложил ему взять еду с собой в контейнере. На следующий день Цинь Гэ приготовил немного риса, упаковал всё в термос и отправился на работу.

Еще не войдя во двор Кризисного бюро, он краем глаза заметил человека, который, пользуясь последними секундами мигающего зеленого сигнала светофора, перебежал дорогу и направился к нему.

Се Цзыцзин сегодня был совсем не таким, как в предыдущие дни. Взглянув на его пышные волосы и чистый подбородок, Цинь Гэ сразу понял: этот человек вчера тщательно помылся.

— Где ты вчера ночевал? — спросил он между делом.

Се Цзыцзин сегодня купил жареные лепешки в новой упаковке, но, судя по всему, ел он их без особого удовольствия, что заставило Цинь Гэ предположить, что он, возможно, родом из Гэньду.

— У Тан Цо дома, — ответил Се Цзыцзин, попивая соевое молоко. — У него дом очень маленький, гостиная — это и спальня.

— Тан Цо уже хорошо, что приютил тебя, не будь таким привередливым.

Цинь Гэ и Се Цзыцзин вошли в Отдел регулирования. Увидев Се Цзыцзина, Тан Цо, сидевший в комнате, вскочил, словно его укусили.

Се Цзыцзин взглянул на жареные лепешки и соевое молоко в руках, развернулся и вышел в коридор, чтобы позавтракать. Цинь Гэ, заметив, что Тан Цо выглядит испуганным, с бледным лицом, тяжелыми мешками под глазами и красными прожилками на белках глаз, вспомнил о том, что основная составляющая «моря сознания» Се Цзыцзина — лев, и его лицо позеленело:

— Се Цзыцзин, что ты с ним сделал прошлой ночью?

— Со мной? — Тан Цо потер лицо, пытаясь вернуть ему нормальный цвет. — Ничего не сделал, но его лев был ужасен! Он всю ночь пристально смотрел на мою панду!

Когда Стражи и Проводники погружаются в глубокий сон, их сознание расслабляется, и духовные сущности автоматически высвобождаются.

Цинь Гэ сразу понял, что произошло.

Лев Се Цзыцзина пристально смотрел на панду — возможно, из-за его любви к пушистым животным — что вызвало у панды сильное напряжение, а значит, и у Тан Цо, который, скорее всего, не спал всю ночь.

— Он еще и не позволял мне убрать панду! — схватил Тан Цо руку Цинь Гэ. — Он сказал, что

если я уберу панду, его лев расстроится, будет царапать стены, рычать на меня и бегать по району, орать. Я был в отчаянии, это была самая ужасная ночь в этом месяце!

— ...В этом месяце? Почему так точно?

— Я умру...

Цинь Гэ пришлось похлопать его по плечу, а затем по голове. Тан Цо был на несколько лет младше, и в этот момент Цинь Гэ почувствовал, будто утешает Цзян Сяочуаня.

И его сердце смягчилось.

В этот момент он сказал то, о чем сразу же пожалел.

— Пусть сегодня ночует у меня.

Бай Сяюань влетела в комнату как ураган, как раз вовремя, чтобы услышать эти слова.

— Как же это надоело! — с недовольством поставила она ноутбук на стол, движение выглядело резким, но в последний момент она смягчила его, и ноутбук лег бесшумно, словно она владела искусством легкого шага. — Он будет жить у тебя? Тогда зачем мы вообще искали ему жилье? Как ты, будучи руководителем, можешь быть таким непостоянным, Цинь Гэ!

— Ищем! — поспешно ответил Цинь Гэ. — Именно потому, что я ваш руководитель, я не могу позволить, чтобы Тан Цо продолжал страдать от его приставаний. Это временно!

Он уже пожалел о своих словах.

— Я поняла, — лицо Бай Сяюань было таким же, как у Тан Цо, даже мешки под глазами и красные прожилки были более выраженными. Она достала из сумки зеркальце и помаду, быстро нанесла её на губы, будто ставя печать, и сказала:

— Тан Цо, Цинь Гэ, вы оба недовольны Се Цзыцзином.

— Почему?

Вопрос медленно прозвучал у двери.

Все трое повернулись к входу и замолчали. Се Цзыцзин прислонился к дверному косяку, держа в зубах соломинку от соевого молока, и его взгляд скользил по их лицам.

Через маленькое окно в стене Отдела ментального регулирования проникал туманный утренний свет. Волосы и лицо Се Цзыцзина были освещены утренним солнцем и светом из помещения, высокий нос отбрасывал тень на губы, и он выглядел совсем иначе, чем вчера, — настоящий красавец.

Он допил последний глоток соевого молока, смял бумажный стаканчик, и соломинка издала булькающий звук.

— Почему вы недовольны мной? — вошел Се Цзыцзин в комнату и выбросил стаканчик в мусорное ведро. — Мне показалось?

Он нахмурился, и в его глазах, которые только что выражали некоторое недоумение, появилась жалобная нотка, направленная прямо на Цинь Гэ.

Цинь Гэ отрицательно покачал головой:

— Мы не недовольны тобой.

— О чем вы тогда говорили? — спросил Се Цзыцзин. — Тайком, чтобы я не слышал.

— Обсудили твой вопрос с жильем, — сказал Тан Цо.

— Цинь Гэ пригласил тебя пожить у него, — добавила Бай Сяюань.

— ...Временно! — поспешно поправил её Цинь Гэ.

Он повернулся к Се Цзыцзину и увидел, что тот сначала остолбенел, а затем на его лице медленно появилась улыбка.

— Временно, — повторил Цинь Гэ.

Се Цзыцзин сдержался и произнес два высокомерных слова:

— Ладно.

Но было очевидно, что его радость невозможно скрыть.

Бай Сяюань рядом открыла ноутбук:

— Начинаем совещание, я расскажу вам, что узнала вчера вечером.

Вернувшись вчера в Кризисное бюро, Бай Сяюань планировала немного задержаться, чтобы подготовить запрос на помощь Цай Миньюэ в расследовании. Но вскоре она обнаружила, что у них нет права отправлять запрос Цай Миньюэ.

Одна из причин заключалась в том, что Отдел ментального регулирования еще не был официально создан, и они не могли отправлять документы от имени отдела.

Вторая причина — у них пока нет никаких доказательств, что Цай Миньюэ нужно расследовать.

— Первую проблему легко решить, когда вернется директор Гао, — Бай Сяююань повернула ноутбук, чтобы они могли увидеть экран. — Но ключевая проблема — вторая.

На экране был документ: «Мнение по вопросам применения законов и политики в отношении преступлений, совершаемых особыми людьми».

Тан Цо и Цинь Гэ, работавшие в архиве, быстро вспомнили, что этот документ был опубликован несколько лет назад. Он был очень длинным, около восьмидесяти страниц, и, хотя они помнили название, содержание было им неизвестно.

— Это связано с нашим текущим делом? — спросил Се Цзыцзин.

— Очень тесно, — Бай Сяююань перелистнула на 55 страницу. — При отсутствии точных доказательств ни одно учреждение или лицо не может инициировать расследование в отношении особых людей. Любое расследование, связанное с особыми людьми, должно быть одобрено как Кризисным бюро, так и Комитетом по делам особых людей.

Се Цзыцзин выпрямился:

— Одобрение двух ведомств? Это так сложно? Это что, скрытая защита преступников среди особых людей?

— Я провела всю ночь, изучая этот документ, — сказала Бай Сяююань. — На самом деле, он защищает нас.

Слово «особый» стало непреодолимой пропастью.

В те времена, когда особые люди впервые появились на горизонте общественного внимания, любое странное происшествие сразу же связывали с ними.

<http://bllate.org/book/15560/1384448>